

Антон Будилович

Сербо-хорватская литература

Антон Семенович Будилович

Сербо-хорватская литература

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18525318

Аннотация

«Площадь сербо-хорватской народности простирается от реки Дравы на севере до реки Бояни на юге, и от Адриатики на западе до рек Моравы и Тимока на востоке. В этих границах заключаются юго-западные земли Австро-Угорской империи (Банат, Бачка, Славония, Хорватия, Далмация, Приморье и Адриатические острова, часть Истрии и Крайни и Военная Граница), северо-западные владения Турции (Босния и Герцеговина, часть Старой Сербии и Албании) и два независимые княжества: Сербия и Черногория. Вся площадь занимает до 3500 квадратных миль...»

Антон Будилович

Сербо-хорватская литература

Площадь сербо-хорватской народности простирается от реки Дравы на севере до реки Бояни на юге, и от Адриатики на западе до рек Моравы и Тимока на востоке. В этих границах заключаются юго-западные земли Австро-Угорской империи (Банат, Бачка, Славония, Хорватия, Далмация, Приморье и Адриатические острова, часть Истрии и Крайны и Военная Граница), северо-западные владения Турции (Босния и Герцеговина, часть Старой Сербии и Албании) и два независимые княжества: Сербия и Черногория. Вся площадь занимает до 3500 квадратных миль. Но отдельные колонии этого племени лежат далеко за пределами означенной географической площади в Угрии и Моравии, Турции и России. Численность сербо-хорватской народности может быть определена приблизительно в 5 700 000. По отношению к вероисповеданиям эта народность распадается в настоящее время на три части: православных до 3 200 000, католиков до 2 200 000 и мусульман до 400 000. Вторые живут почти исключительно в Австро-Угорской империи, а третьи – в Турецкой. В настоящее время на всей площади сербо-хорватского племени господствует один ли-

тературный язык; но в народных говорах разных местностей нет подобного однообразия и единства. Обыкновенно отличаются три главных говора: штокавский, чакавский и кайкавский, названные так по различному выговору местоимения *что*. Первый из этих говоров господствует в восточной и южной части племени; второй в местностях, омываемых северо-восточной частью Адриатического моря, от реки Цетины до Истрии; а третий в нескольких хорватских столицах, расположенных вокруг Загреба. Кайкавщина стоит уже на переходе от наречия сербо-хорватского к словенскому; а некоторыми считается даже говором последнего. Отношение же чакавского (икающего) говора к штокавскому (ёкающему) может быть сравнено с отношением малорусского в великорусскому.

Названия серб и хорват быть может отличали некогда две особые народности, но теперь они отличаются две культуры, то-есть имеют смысл более исторический, чем этнографический. Это различие началось очень давно и прошло глубоко, отразившись в политической, литературной, общественной и особенно в религиозной жизни двух ветвей одного и того же племени. Из рассказа Константина Багрянородного видно, что и пришел этот народ (в начале VII века) из своей закарпатской родины двумя военными товариществами, и, лишь благодаря счастливой случайности, сербы снова поселились в непосредственном соседстве с хорватами в этом новом задунайском своем отечестве. Впечатления и влияния

географические и исторические, которым должны были подвергаться те и другие здесь, в Иллирии, были весьма различны и это обстоятельство имело важное влияние на всю их будущность. Иллирия была именно тот край, где ранее всего началась борьба двух, сначала политических, а потом и религиозных, центров тогдашней Европы: Рима и Византии. Юго-восточная, сербская часть этого племени, подобно Болгарии и Руси, примкнула к центру культуры восточной, греческой, а северо-западная, хорватская часть попала в круг, притяжения в центре образованности западной, латинской. Просветительное влияние Рима на хорватов действовало непосредственное и прямее, чем влияние Византии на Сербию, которая была заслонена с этой стороны государством Болгарским. С другой стороны, приморское положение Далмации, её давняя и тесные связи с Италией, присутствие римской стихии в населении, по крайней мере городов – все это содействовало раннему выступлению на историческую сцену западной, хорватской части племени, между-тем как сербское население восточных гор и плоскогорий еще долго прозябало в неподвижной тишине патриархального быта, прерываемой лишь междоусобиями отдельных общин и жупаний, на которые еще долго распадалась эта земля.

В начале IX века хорваты должны были защищать свою независимость от завоевательных стремлений франков Карла Великого. Отчаянные подвиги Людевита были однако напрасны, потому-что в среде самих хорватов нашлись пособ-

ники франков. Хотя на этот раз иго не было продолжительно; но оно было печальным предвестником многих бед и опасностей, которые с-тех-пор не переставали тяготеть над страной и разрушать все попытки политического объединения и независимого существования хорватов. С таким же недружелюбием относился к славянской народности и духовный представитель и глаза запада. Не удивительно, что семена христианства, приносимые в Хорватию западными миссионерами, падали на почву не восприимчивую и не пускали корней в народном духе до тех пор, пока эти зародыши христианства не были освещены и согреты взошедшим из соседней Болгарии и Паннонии солнцем христианской проповеди на славянском языке.

При той тесной связи церкви с государством, которая составляла преобладающий характер средневекового периода европейской образованности, не удивительно, что в славянских странах судьба славянских народностей самым тесным образом была связана с судьбами славянских церквей. В этом отношении замечательны два факта: во-1-х, успешное распространение славянской проповеди во всех сербо-хорватских странах; даже грозные пираты неретчане охотно приняли христианство в той славянской форме, как оно было предложено им Солунскими братьями; во-2-х, это чистое христианство встретилось на сербо-хорватской почве с двумя врагами: народными предразсудками с одной стороны и римским властолюбием с другой. Предразсуд-

ки новопроросшего народа ловко были эксплуатированы разными сектаторами, особенно же миссионерами павликианских дуалистических сект, которые на славянской (болгарской и сербской) почве переработались в ересь богомильскую, действуя на народное воображение причудливой фантастичностью своих догматических учений о начале в мире добра и зла, а с другой стороны снисходительно относясь в живым еще в народной памяти остаткам языческих верований.

Другим более опасным и непримиримым врагом славянского православия была римская курия и её пособники. Известны стеснения и придирки, которыми удалось ей затормозить деятельность солунских братьев и их учеников в Моравии и Паннонии. С таким же недоброжелательством приняла курия и факт усвоения славянского богослужения сербо-хорватским народом. Последний противопоставил однако свою хотя немую и пассивную, но непреклонную оппозицию попыткам замены в богослужении славянского языка латинским. Вопреки соборным определениям 925 и 1059 годов, славянская литургия вероятно удерживалась в стране, и в 1248 году папа Иннокентий IV принужден был признать существовавший факт. Рим довольствовался тем, что узаконил если не внутреннее, то хоть внешнее отличие богослуженных книг хорватов от книг других православных славян: оно состояло в особой азбуке, которою писались, а впоследствии и печатались эти книги, в так-называемой *глаголице*.

Вопрос о времени, месте и обстоятельствах её происхождения до сих пор еще не достаточно выяснен. Несомненно однако её отдаленная древность, лишь немногим уступающая древности азбуки кирилловской, а по мнению некоторых даже превосходящая ее в этом. Из своей болгарской по видимому родина она, быть-может, вместе с павликианством или богомилством, распространилась в земли сербо-хорватские, особенно же в адриатическое приморье, где она скоро утвердилась и, как внешний признак внутреннего раскола славян, была заботливо поддерживаема и даже распространяема римской курией, преследовавшей в кириллице злой призрак греческой схизмы и органа духовной самобытности славян. Те же цели и теми же способами преследовались сначала сектаторами, а потом католиками и в Боснии. Чтобы отрешить ее от влияния общей церковно-славянской письменности, кириллица была преобразована здесь в *буквицу*, с усвоением скорописного кирилловского почерка, исключением некоторых букв и введением правописания чисто-фонетического, не связанного никакими литературными преданиями.

Все эти обстоятельства – отделение от востока и подчинение западу в отношении политическом и религиозном – рано задержали духовное развитие хорватской народности. Босна то же томилась в продолжительной борьбе внутренней – разных сект, сословий и родов, и внешнее – с Угрией и Сербией. Когда, таким образом, в XI–XII веках значи-

тельно иссякла духовная сила и историческая деятельность в северо-западной части племени, начинается политическое и духовное объединение и развитие в юго-восточной его половине: она просыпается от пятивековой дремоты и выступает на сцену истории. Первым деятелем государственного и религиозного устройства Сербии был великий жупан Расы святой Стефан Неманя (умер в 1200 году) и два его сына: св. Савва (1169–1237) и Стефан Первовенчанный (умер в 1224 году). То обстоятельство, что основатель сербской династии, родившись в католичестве, перешол в православие, показывает направление духовного развития новоустроенной державы. Избрав своей столицей город Расу, в глубине Балканского полуострова, почти на рубеже сербской народности с болгарскою, Неманя и его преемники обнаружили желание унаследовать религиозные и политические предания болгарского Симеона и Самуила. Подобно болгарам, сербы охотно подчинились греческому влиянию в области духовной, но сопротивлялись всякому политическому преобладанию императора на полуострове. С другой стороны, подобно Симеону и Самуилу, неманичи не ограничились собранием земель сербских, но стремились подчинить себе и болгар. Так древняя борьба этих двух народностей за преобладание на Балканском полуострове! Но это политическое соперничество не мешало сербам усвоить себе литературный язык и всю письменность старой Болгарии: подобно древней Руси, старая Сербия сочла это дорогое насле-

дие св. Кирилла достоянием общеславянским. Вот почему большая часть остатков письменности старосербской представляет лишь скудные материалы для истории как сербского языка, так и народа: это сербские изводы, списки с оригиналов староболгарских. Даже в том немногом, что старая Сербия произвела самостоятельного в области письменности, господствует тот же язык, дух и направление. Подобно староболгарской, письменность старосербская вращается в кругу понятий и интересов почти исключительно церковных; её мирозерцание можно назвать монашеским. Да это и не удивительно: припомним, что главным центром старосербской письменности была знаменитая Хиландарская лавра, основанная на Афоне св. Саввою. Не переходя почти за ограды монастырей, сербская письменность оставалась далекою и чуждою народной жизни. Жития святых и службы им, монастырские уставы, скудная панегирическая монашеская летопись – вот содержание всей почти старосербской письменности, если исключить из неё грамоты и душанов «Законник», которые представляют много данных для истории языка и права, но не могут быть названы произведениями в собственном смысле литературными. Что касается внутреннего значения и достоинства этой церковно-богословской письменности, то надобно признать, что поднявшись на некоторую и довольно значительную высоту в произведениях св. Саввы, Стефана Первовенчанного и Доментиана, в первой половине XIII века, она быстро начала за-

тем клониться к упадку и совершенно измельчала. Лучшими её образцами остались три жития Стефана Немани, писанные тремя названными лицами, и одно житие св. Саввы, писанное Доментианом. Некоторое литературное значение имеет еще «Родослов» или «Цареставник» архиепископа Даниила, заключающий в себе жизнеописание шести сербских королей, десяти архиепископов и трех патриархов (1224–1375). Впрочем последние отделы этого труда принадлежат перу уже продолжателей Даниила. «Родослав» де может идти в сравнение с первой летописью русской: его напыщенное и широковещательное, но малосодержательное изложение, монашеская точка зрения, с которой оцениваются все личности и события, панегирический и подобострастный тон, с восхвалением даже преступлений людей высокопоставленных, все это так отлично от благочестивого, но разумного, простого и фактического способа изложения летописца русского. То же должно сказать и о большей части позднейших сербских летописцев, которые черпали свои материалы либо из греческих хронографов, либо из сербских житий и «Родослова», наполняя свои страницы не фактами из народной жизни, а своими благочестивыми размышлениями о создании церковью, монастырей и т. п.

Позднейшие сербы старались окружить ореолом личность и престол старых своих царей, особенно же Душана Сильного; но это де вполне оправдывается историческими фактами. Внутренняя слава страны и народное развитие не со-

ответствовали внешней обширности государственных владений и политических задач, которые думали преследовать сербские государи. Быть-может Даничичь был прав, утверждая, что время неманино выше душанова: объединение народа важнее походов на Царьград. Из Неманина жупанства выросло Сербское королевство, а за Душановым царством вдруг открылась пропасть. Видно, искусственно было это государство и непомерно раздуты его мнимые силы, если один несчастный день, одна проигранная битва навсегда решили судьбу этого, казалось, сильного и обширного государства! День святого Вида (15 июня 1389 г.) останется навсегда траурным днем сербов не потому, чтобы он сломил на-всегда Народную силу, а потому, что разрушил величавую, хотя и легкомысленную иллюзию. Первое время турецкого порабощения не во многом изменило внутренния отношения страны: остались по прежнему свои правители, свои князья и патриархи. Терпимость и даже уважение к сербской народности турецкого правительства (в XV и XVI веках) видно, например, из того, что сербский язык некоторое время был даже дипломатическим в сношениях с Угрией, Румынией, Дубровником и Албанией султанов Мурада II, Магомета II, Баязета II, Селима I, Солимана II (от них остались подлинные сербские письма). Положение стало ухудшаться лишь тогда, когда сама Турция стала разлагаться и её крепкая правительственная организация расстроилась.

Если и прежде народ неохотно сносил над собой господ-

ство людей чужой веры, которую он презирал, и в лице ускоков искал свободы в глуши гор и лесов, а отчасти и в пределах соседних христианских государств (особенно в Хорватии и Угрии), то тем более стало для него невыносимо турецкое господство тогда, когда, наряду со стеснениями политическими, усилился гнёт административный, притеснения фискальные и фанатизм религиозный. Тогда только, в конце XVII и начале XVIII века, совершились те громадные выселения сербов с их деспотами и патриархами в Австрию, которые обезлюдили Старую Сербию и оставили ее открытою для соседних албанцев, охотно обменявших свои скалы на эти плоскогорья. Это обстоятельство очень затруднило и отодвинуло соединение, следовательно и освобождение славян балканских. Но, с другой стороны, это выселение было полезным и даже необходимым для подкрепления славянской народности на Саве и среднем Дунае. Австрийское правительство вероломным нарушением обещаний, данных патриархам Черноевичам и возмутительным фактом пожизненного заключения в Вене, а потом Хебе, в Чехии, последнего сербского деспота Георгия Бранковича, доказало сербам, что и за Савой у славян есть враги, даже более опасные и непримиримые, чем сами турки. Этот несчастный Бранкович заслужил себе благодарную память в истории не только сербского народа, но и сербской литературы: во печальном двадцатидвухлетнем заключении он составил подробную историю сербского народа, которая осталась в рукописи, но ко-

торую в многом воспользовался впоследствии знаменитый Раичь.

В то время, как духовная деятельность, после двухвекового напряжения, опять надолго ослабела на сербском востоке, она неожиданно и быстро развилась до размеров очень значительных на далматском и хорватском западе. Благоприятное положение некоторых приморских городов (Задр, Сплет, Шибеник, Трогир, особенно же Дубровник) и развитие их торговой и промышленной деятельности содействовало их материальному обогащению и умственному развитию. Правда, это благосостояние и эта торговая деятельность скоро навлекли на них алчность королей угорских и ревнивое соперничество республики Венецианской, добивавшейся безраздельного господства на Адриатике. Но некоторые из поименованных городов, особенно же Дубровник, удачно умели лавировать между Угрией и Венецией, а потом Венецией и Турцией, опираясь отчасти на поддержку своих восточных соплеменников, откуда не переставали спускаться в Далмацию и Хорватию то бедные ускоки, то богатые владетели и князья, искавшие здесь убежища во время домашних смут и политических переворотов. Эта непрерывная почти эмиграция из Герцеговины, Босны, Сербии и Черногории в адриатическое побережье и на острова поддерживала здесь славянскую стихию, что было необходимо и спасительно в виду сильной италиянизации, обхватывавшей особенно верхние слои населения – племичей и горожан. Луч-

ше сохранялся славянский быт и язык в сельских общинах: это видно даже из сравнения, например, законников городских со статутами сельских общин. В первых сильно отражается влияние юридических понятий и учреждений Италии и Германии, а вторые представляют сборники определенных обычного народного славянского права, в роде «Русской Правды» или «Законника» Стефана Душана. Статуты далматинских городов и общин сохранились либо на латинском, либо на итальянском, либо на славянском языке: последние замечательны для истории не только славянского права, но и славянского языка, представляя древнейшие образцы сербского наречия в его чистом виде, без тех примесей церковно-славянщины, от которых не свободны даже юридические акты, грамоты и «Законник», вышедшие из канцелярии государей сербских. Рядом с этими статутами необходимо упомянуть еще о хорватской хронике, составляющей, в одной по крайней мере части, довольно поздний перевод древней латинской хроники Безыменного, пресвитера Дуклянского или Диоклейца (около 1161). Эта хроника имеет, впрочем, значение более литературное, чем историческое, так как она представляет по видимому книжную компиляцию из народных преданий и рассказов, быть-может еще разукрашенных цветами фантазии самого составителя.

Около половины XV века является в Далмации первый центр деятельности литературной в собственном смысле этого слова. Это был город Дубровник (Ragusa), называв-

шийся некогда югославянскими Афинами и бывший достойным соперником Венеции на Адриатическом море. Его возвышение совпадает со временем самого значительного государственного развития душановой Сербии, с которой он всегда находился в самых тесных и непосредственных торговых сношениях. Многочисленные грамоты разных сербских государей и владетелей показывают, что дубровчане держали в своих руках монополию всей внутренней и внешней торговли континентальной Сербии, которую они связывали с рынками венецианским и константинопольским. Завоевание Сербии Турцией не имело вредного влияния на торговлю и промышленность Дубровника. Напротив, сюда стеклось тогда много новых сил материальных и умственных, так-как он стал убежищем для многих сербских и греческих эмигрантов, принесших сюда свои богатства и знания. С другой стороны, падение Константинополя, изобретение книгопечатания и возрождение наук в западной Европе, а прежде всего в Италии, не могли не действовать возбуждающим образом на умственное настроение населения Далмации, по крайней мере тех его местностей и классов, которые издавна находились в тесных духовных связях с Италией. Все эти обстоятельства содействовали возникновению в Дубровнике и некоторых других далматинских городах чрезвычайно богатой и блестящей литературы, которая в славянской истории является замечательным, но совершенно отрывочным эпизодом, вне всякой связи с преды-

душим и последующим в истории сербской и общеславянской. Дубровницкая литература, по своему содержанию и направлению, во многом представляет лишь звонкое эхо современной итальянской: в сочинениях Данте и Петрарки, Тасса и Ариоста, Гварини и Види можно найти образцы и даже сюжеты многих поэтических произведений Минчетича и Лучича, Ветранича и Златарича, Гундулича и Пальмотича. Двести лет текли параллельно два потока: они вышли из того же источника и иссякли в одно и то же время и от тех же почти причин. Этим источником был воскресший гений древней Греции и Рима; причиной же падения было распространение и господство в западной Европе французского псевдоклассицизма. В самом деле, если мы посмотрим на сюжеты дубровницкой поэзии, то увидим, что также как и в тогдашней итальянской они заимствовались большею частью из Омира, Софокла, Еврипида, Анакреона, Мосха, Филемона, Вергилия, Овидия, Горация, Батула, Тибулла, Проперция, Марциала и других классических писателей. Впрочем, несправедливо было бы думать, что дубровницкая поэзия во всем есть не более, как бледная копия с итальянской. Во многих случаях дубровницкие снимки оказываются едва ли не выше своих итальянских оригиналов; во всяком же случае, подражание здесь было свободное, а не рабское; оно заключалось более в общей манере, в тоне изложения, в общих иногда сюжетах, но не в подробностях развития основной мысли, не в выборе и группировке частно-

стей. Так, например, Гундулич, при написании своей знаменитой поэмы «Осман» имел, быть-может, в виду «Освобожденный Иерусалим» Тасса, а Пальмотич, писавши «Христиаду», заимствовал для неё сюжет из подобной поэмы Виды. Это не помешало однако ни тому, ни другому представить создания в высокой степени художественные, а в некоторых отношениях далеко превосходящие названные итальянские образцы (особенно последний из них).

С другой стороны в дубровницкой поэзии встречается много указаний и намеков, много красок и картин, взятых из местной жизни, описание городов и островов, сельских занятий, событий жизни общественной и фактов из славянской истории: достаточно назвать «Цыганку» Чубрановича, «Рыбную ловлю» Гекторевича, особенно же великолепную эпопею Гундулича «Осман», сюжет которой заимствован из истории борьбы славян с мусульманами (1621) т. е. того самого эпического цикла, который составляет исключительное почти содержание сербских юнацких песен. Впрочем, если бы можно было даже доказать, что в содержании многочисленных дубровницких од, посланий, элегий, идиллий, поэм и драм нет ничего народного, славянского, то и тогда они не потеряли бы своего важного значения в истории славянской литературы уже но тому одному, что здесь мы находим столь высокую художественную прелесть сербского языка, что он надолго еще останется образцовым и неподражаемым. Это особенно должно сказать

о трех последних корифеях дубровницкой поэзии: Гундуличе, Пальмотиче и Джорджиче. Это мастерство дубровницких поэтов в употреблении сербского языка тем для нас удивительнее, что получая воспитание большею частью в Италии, или от итальянских учителей, они должны были употреблять в школе, в науке и управлении языки латинский и итальянский; а некоторые, как Раньина, Златарич и Джорджич писали и стихи на этих языках с неменьшей свободой, как и на своем родном сербском. Где же находили они образцы поэтического употребления последнего? Не в другом чем, как в произведениях сербской народной словесности, образчики которой даже уцелели в сочинениях некоторых далматинских поэтов. Мы можем назвать наконец одного далматинского поэта, хотя более уже позднего времени, именно первой половины XVIII века, который соединил художественную форму старых поэтов дубровницких с народным содержанием поэтов новосербских. Это Андрей Бачич Миошич, оставивший в своем сочинении «Разговор угодни народа словинскаго» поэтическое описание важнейших эпизодов сербской истории. Это сочинение до сих пор остается самую любимую и популярною книгою во всех местностях и слоях сербского народа. Этот характер и цель книги, круг читателей, к которым она обращена и на которых рассчитана, знаменуют эпоху уже новых литературных взглядов и задач.

Вообще же дубровницкую поэзию, по её происхождению

и целям, должно назвать скорее сословною, чем народною. В городах Далмации, по образцу Италии, составлялись общества или клубы, членами которых были по большей части люди аристократических фамилий; устраивались литературные вечера, домашние спектакли и т. п., для которых и писалась большая часть произведений далматинской литературы рассматриваемого периода. Предназначаемые для тесного кружка друзей произведения распространялись большею частию в немногочисленных рукописных копиях, почему от них уцелела и обнародована часть лишь очень незначительная в сравнении с утраченным или неизданным. Народ же не принимал почти никакого участия в этой блестящей литературной деятельности своих племичей, а также не многих патеров и горожан. О развитии литературного вкуса и распространения положительных знаний в народе не было еще речи. К литературе, как могучему средству пропаганды в народ известных идей, прибегли впервые деятели реформации, а после них и католические проповедники должны были волей-неволей взяться за то же орудие для сохранения своей власти над просыпающимися умами народов. Впрочем, реформационное движение из своих германских центров могло распространиться на славянском юге лишь в ближайших в Германии местностях, именно в земле словенцев и в собственной провинциальной Хорватии. Первыми вносителями в эти страны протестантских идей были даже отчасти одни и те же лица, как например словенцы

Унганд и Далматин, хорват Юрилич, серб Попович и босняк Малешевич. В народ тогда пущено было множество хорватских букварей, катихизисов и молитвенников, которые печатают для этой цели в Вигтемберге, Тюбингене, Регенсбурге и Нюренберге, а потом и в самой Хорватии, в типографии одного из графов Цринских, ставшего ревностным прозелитом протестантизма. Впрочем, католической реакции в XVII веке удалось подавить в Хорватии протестантизм, а вместе с ним и начатки народного образования. Еще два века продолжать здесь полусонная дремота народа, убаюкиваемого иезуитскими молитвенниками и катихизисами не пробуждаемого ни сухими словарями и грамматиками Габделичей и Белостенцев, ни однообразным воспеванием подвигов сигетского героя, Петра Цринского, и других поучительных материй.

Подобный же характер носит на себе литературная деятельность боснийских францисканцев (в XVII и XVIII веках) и духовных книжников в Славонии (с начала XVIII века). Некоторое пробуждение и дух жизни виден лишь в сатирических опытах Рельковича и народных идиллиях знаменитого ученого Катанчича.

Прежде чем перейти от этих чуть еще мерцающих проблесков пробуждающейся на славянском юге духовной деятельности к более Дрин фактам литературного и политического рождения сербо-хорватского народа, мы остановились здесь на некоторых обнаружениях влияния России

на сербо-хорватскую письменность этого среднего её периода. Между духовною деятельностью православных славян разных стран всегда поддерживалась тесная связь и взаимодействие. Литературная собственность болгар была с тем вместе полным достоянием Руси и Сербии и на оборот. Так было по крайней мере с их церковной письменностью. По счастливому стечению случайностей, или по действию более строгих исторических законов ослабление духовной деятельности в одной из этих народностей сопровождалось соответственным её усилением в другой, так-что, при взаимной поддержке духовная жажда каждой народности находила себе удовлетворение более или менее равномерное и непрерывное. В первый период Болгария делилась избытком своих книжных произведений с Русью и Сербиею. В XI веке Болгария падает, но за-то укрепляется и развивается новопросвещенная Русь. Когда же она в XIII веке подверглась монгольскому игу, то духовное представительство православного славянства перешло к Сербии. В конце XIV века сербское поражение на равнине Косовской отчасти вознаграждено было современной и соразмерной русской победой на поле Куликовом: с XV века Россия должна была в другой раз спасти дело славянства и православия – и она его вынесла на своих плечах. Хотя сербская церковь не разделила судьбы сербского государства и пережила его падение, однако и она истощилась бы наконец в своих духовных силах и средствах, если б не получала нравствен-

ной и материальной поддержки от далекой Москвы, снабжавшей Сербию церковными книгами, утварью и т. д. На западе распространилось даже убеждение, что русская редакция славянских богослужебных текстов и есть нормальная древне-славянская. Этот предразсудок был разделяем между прочим и римской курией. Когда в начале XVII века папа для противодействия протестантизму должен был прибегнуть к снабжению своей славянской паствы богослужебными книгами, то в самом Риме стали печататься глаголические служебники, евангелия и т. д. исправленные Левановичем (по совету Терлецкого) по русским изводам. Точно также в XVIII веке издавал глаголические книги известный Караман. Этим положено начало искусственному образованию так называемого славяно-сербского языка, который господствовал в сербской литературе еще в начале нашего века. Быть-может в некоторой связи с этими ранними попытками литературного объединения русских и сербов стоит опыт образования искусственного хорвато-русского языка, предложенный в половине XVI века знаменитым хорватом Юрием Крижаничем (автором очень замечательной русской грамматики, сочинения о русском государстве и др.). Обаяние русского имени и влияние русского языка на славянском юге усилились в начале XVIII века, под впечатлением славных подвигов Петра Великого. В сербские провинции южной Австрии выписано было тогда из Киева много учителей, которые принесли с собой Смотрицкого, Могилу и дру-

гие русские учебные книги. Как утвердилось тогда в умах сербского образованного общества, особенно же духовенства, убеждение в полной пригодности для сербской науки и литературы этого под русским влиянием сложившагося тяжелого и неуклюжого славяно-сербского языка, видно из той жаркой оппозиции, какую встретили первые попытки ввести в сербскую литературу народный разговорный язык, сделанные знаменитым в сербской словесности Досифеем Обрадовичем (1739–1811). Он действительно является вестником уже нового времени и новых идей; но главная его заслуга заключается не в том, что он заговорил на письме народным языком – мы видели это и в Дубровнике – а в том, к кому и о чем он завел свою речь. Подобно своему единственному предшественнику на этом пути, Качичу, он обратил свою речь в народным массам, говоря языком для них доступным и о предметах для всякого интересных и полезных. В «Советах здравого смысла», и в своей «Жизни и приключениях» он имел целью передать народу те сведения и ту практическую мудрость, которую нажил собственным тяжелым опытом, своей скитальческой жизнью, полную тревог и приключений. Досифей был также небезучастным свидетелем завязавшейся в начале нашего века борьбы за освобождение и был первым устройтеlem школьного дела в возрожденной Сербии. Не бесследною для народного развития осталась также учоно-литературная деятельность протоиерея Раича, первого историографа сербского народа. Ново своему

взгляду на литературный язык и способу изложения он принадлежит еще XVIII веку, переходному в сербской истории. Истинным же представителем и главным двигателем литературного возрождения сербского народа должен быть назван Бук Стефанович Караджич. Его пятидесяти-летняя литературная деятельность (1814–1864) произвела глубокий и благодетельный переворот не только в народном самосознании сербов, но и во взглядах науки на их язык, историю, этнографию. В произведениях народного творчества сербов, он открыл для изучения целый мир новых образов и звуков, понятий и идеалов, верований и преданий, неизсякаемый источник открытий для этнографа и вдохновений для художника. Сербская народная словесность, по ясности, широте и самобытности выражающагося в ней мирозерцания, несравненно выше всего, что создало до сих пор личное творчество сербских художников, и потому долго еще сравнительное достоинство последних будет измеряться по мере их приближения либо отдаления от этой неподвижной и возвышенной нормы. Этот взгляд определяет направление, господствующее в новой школе сербских поэтов и писателей. Вот почему издание произведений сербского народного творчества Буком составило эпоху в истории сербской словесности. Но этим не ограничиваются его заслуги: он первый собрал и рассмотрел в достаточной полноте состав и строй сербского народного языка, в разных его разветвлениях; своей теорией, примером и влиянием он более всех других содейство-

вал установлению определенной нормы сербского литературного языка. В этом случае он оказал справедливое предпочтение звуковым и грамматическим особенностям так называемого штокавского говора, господствующего в южных, наиболее чистых этнографически и песенных местностях сербской площади и бывшего уже раз литературным органом дубровницкой поэзии. Вот почему эта реформа без значительного сопротивления была принята не только адриатическими чакавцами, но и загребскими кайкавцами. Более споров и возражений вызвало другое нововведение Вука, хотя касающееся предмета более второстепенного, именно – правописания. До Вука у православных сербов, как и у русских, господствовало унаследованное от древности историческое или этимологическое правописание; Вук счел полезным заменить его фонетическим или звуковым, издавна господствующим в большей или меньшей мере у всех славян православных (даже у босняков). Но при этом он вдавался быть-может в крайность, совершенно пренебрегши в правописании не только историей, но и этимологией языка. Подобный метод пригоден конечно для фонетической транскрипции народных песен и сказок, имеющих значение не только для литературы, но и для диалектологии; но он едва ли удовлетворителен в приложении в языку литературному, который должен привести к некоторому, хотя и отвлеченному, единству неуловимое и бесконечное разнообразие местных говоров и поднаречий. Вот почему, быть-может, не со-

всем беспричинною была сильная и продолжительная оппозиция, с которою встретился на этом пути Вук. Вождем её был довольно известный в 30-х и 40-х годах сербский публицист, поэт и политик Иван Хаджич (Светич). Вук одержал однако победу, благодаря особенно безтактному образу действий оппозиции, которая уронила свое дело, поставивши его под эгиду самого непопулярного в Сербии правительства Александра Карагеоргиевича. Молодое поколение стало за преследуемую вуковицу и она окончательно утвердилась в сербской литературе, когда в 1859 году и в княжестве снято было с неё запрещение, наложенное в 1849 году.

В период, отмеченный именем Вука, сербская литература получила очень далекое развитие, хотя более в ширину, чем в глубину, то-есть более по количеству, чем по качеству появившихся произведений. её площадь постепенно расширялась и деятельность сосредоточивалась; появились литературные центры в Новом-Саде, Белграде, Загребе, Задре. Уровень народного образования возвышался, благодаря особенно плодотворной деятельности матиц (новосадской, кипрской, далматинской), или обществ для издания народных книг, учебников, газет и т. д. При каждой матице стал издаваться журнал (и «Сербский Летописец», «Книжник», «Далматинская Заря»). Если же многое, как в этих, так и других публицистических изданиях этого времени, представляет очень еще слабые школьные опыты, переводы, заимствования и подражания, то и это в свое время было

полезно и даже необходимо, если оно удовлетворяло вкусу читателей и расширяло их круг. В программу нашего легкого очерка истории сербо-хорватской литературы не может входить подробный критический разбор и оценка литературных произведений новейшего времени. Мы отсылаем читателей к самому сборнику, где они найдут довольно подробные выдержки, из которых можно составить довольно определенное понятие о характере, направлении и достоинствах новосербской литературной школы. С другой стороны едва ли пришло время для исторической оценки писателей и их произведений, не подвергшихся еще пробе времени, не отошедших на такое от нас расстояние, с которого они могли бы быть видны в целостности и естественном своем освещении. Мы должны поэтому ограничиться здесь самыми общими замечаниями о писателях и их произведениях, предоставляя эстетическому вкусу читателя произнести приговор над дарованием того или другого автора и достоинством его произведений.

Так-как журналы сделались первыми центрами новозародившейся литературы, то мы должны упомянуть имена лиц, потрудившихся на этом пути. Первым сербским журналистом или публицистом должен быть назван Димитрий Давидович, много помогший Вуку в проведении его литературных реформ и в обновлении сербского литературного языка. По следам Давидовича пошли затем: Иван Хаджич (Светич), известный составитель сербского «Законника», осно-

ватель Новосадской Матицы и противник Вука в вопросе о сербском правописании; Милош Попович, 20 лет стоявший во главе сербской журналистики; Феодор Павлович, враг иллирской теории, апостолом которой был знаменитый в свое время хорватский публицист Людевит Гай, благодаря почину которого хорваты приняли сербскую штокавщину, как общий литературный орган всех хорватов и сербов.

В сербской поэзии этого периода преобладает лирика и эпос; в области драмы сделаны были некоторые опыты более или менее удачные, причем произведения Матвея Бана, Суботича, Боговича, Деметера и, в особенности, Ивана Поповича и Лазаря Лазаревича приобрели известность; но все это не могло создать сербского народного театра, а тем более идти в сравнение с тем, что произвели новосербские писатели в области лирической и эпической. Правда, что в этом случае они имели пред собой неподражаемые образцы народного творчества; но, во всяком случае, заслуга этих писателей велика уже потому, что они серьезно занялись разработкой этого народного клада, мотивов народной поэзии и в некоторых случаях успели возвести сюжеты и мотивы безыскусственного народного творчества в перл искусства.

Уже епископ Лукиан Мушпцкий пробовал свои силы в лирике; но его оды писаны на языке несколько искусственном и ненародном, а содержание – отвлеченно и тенденциозно, хотя нельзя ему отказать ни в даровитости, ни в обилии мыслей и образов. Гораздо выше поднялся в своем лириче-

ском одушевлении и эпической образности Сима Милутинович, которого упрекают лишь в недостатке полной отделки стиха и языка, несколько смутного и хаотического. По его следам пошел его ученик, знаменитый черногорский владыко Петр Петрович Негош, великий как государь, человек и поэт. Его «Горский венец», сборник аллегорических песен в драматической форме, стоит на высоте сербского народного творчества и принадлежит к числу популярнейших произведений сербской литературы.

Не мало произведений в лирическом и эпическом роде оставили также Суботич, Матвей Бан, Батянский, Медо-Пучич, Антон Казали, Утешенович, Териский, Прерадович, Богович, Вукотинович, Деметер, Ненадович, Явшич и некоторые другие. Поэтические же произведения, блеснувшего ярким, но летучим метеором, Радичевича, затем знаменитого учоного и политика Букулевича-Сакцинского, славного автора «Ченгич-аги» Мажуранича, образованного и благородного словенца Станка Враза, черногорского публициста и поэта Сундечича – их поэтические произведения могли бы занять почетное место и в литературе более богатой и развитой, чем сербохорватская. Художественная форма и высокая прелесть языка старых поэтов далматинских здесь соединяется с оригинальностью содержания и тона произведений сербского народного творчества. Соединение же этих двух условий и полная их гармония могут служить ручательством, что в этих опытах сербская литература имеет нако-

нец сокровище, которое много грядущих поколений будет не только изучать, но и любить.

В числе названных корифеев новосербской литературы одни принадлежат сербам, а другие – хорватам. Мы поставили их рядом потому, что с сороковых годов, благодаря усилиям Людевита Гая и его загребских сотрудников, хорваты примкнули к литературному единству с сербами и на всем пространстве от Нового Сада до Цетинья и от Неготина до Реки употребляется теперь один литературный язык, созданный, как мы видели, Вуком. Разница осталась лишь в азбуке: католики пишут латинским алфавитом, а православные кириллицей. И это обстоятельство со временем должно быть устранено, так-как оно вредит распространению книг, напечатанных в Загребе в Сербию и на оборот, следовательно уменьшает сбыт или делает необходимым перепечатывание того же текста в двух видах.

Рядом с развитием литературы, и наука сделала уже значительные успехи в Сербии и Хорватии, особенно в последней. Имена Даничича, Букулевича и Рачкого сделали бы честь и всякой другой литературе. Издания Белградского Ученого Общества, а еще более Загребской Югославянской Академии заключают в себе много важного материала для местной истории и этнографии.

Можно надеяться, что это развитие сербской литературы и науки пойдет еще свободнее и успешнее, когда падет последняя преграда вольному её течению, состоящая

в ненормальном политическом положении сербо-хорватских земель, и когда совершится более тесное – хоть литературное, если не политическое – сближение славян южных с западными и восточными.

А. Будилович